

С. Алексеев

ДРУГ

Рассказ о девочке и собачке

Рассказ посвящен моей правнучке, мама которой, – Анюта, – вслед за дедом и бабушкой стала юристом.

Этот рассказ был написан тогда, когда правнучка еще не появилась на свет, но было уже известно, что это девочка, и родители раздумывали о том, как назвать дочку, – то ли Соней, то ли Машей, а может и каким-то другим именем.

Я назвал героиню этих рассказов Машей. Хотя родители предпочли после рождения своей дочки назвать ее Соней.

Но это ничего не меняет ни в повести, ни в посвящении.

31 V 2005

С. АЛЕКСЕЕВ

ДРУГ

Рассказ о девочке и собачке

Рисунки Т. Калининой

Екатеринбург
2005

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Когда Маше исполнилось шесть лет, родители решили научить дочку ходить в детский садик самостоятельно, одну без сопровождения. «Ты уже взрослая девочка, на следующий год пойдешь в школу. Поэтому привыкай к самостоятельности», – сказала мама.

Садик был недалеко от дома. Нужно было только перейти по подземному переходу на другую сторону улицы, а потом по полосатому переходу («зебре») перекресток со светофором, и здесь, во дворе многоэтажного дома – садик, огороженный высокой и красивой металлической оградой.

Мама несколько раз провела Машу по этому пути туда и обратно, все время пытаясь как бы случайно свернуть не в ту сторону или перескочить перекресток на красный или желтый свет. Но Маша уже твердо знала всю дорогу и правила перехода улицы, и потому не поддавалась ни на какие уловки. Наконец мама отпустила Машу в садик одну, но сначала раза два сопровождала дочку на расстоянии – страховала.

– Все в порядке, – сказала она вечером папе.

Папа рано уезжал на работу, возвращался поздно, и вообще он сначала был против ранней самостоятельности Маши – «этих экспериментов», как он говорил. Хотя в конце концов согласился, сказав слегка загадочно: «Ладно. Пусть утверждается в жизни».

И вот однажды, когда, отправляясь в садик, Маша выскочила на крыльцо своего подъезда, она чуть было не наткнулась на собачку. Собачка не маленькая и не большая – средних размеров, плотная, с короткой гладкой темной шерстью. Она стояла прямо перед Машей и смотрела на нее. Глаза в глаза. Взгляд внимательный, слегка изучающий. Маша вспомнила, что еще вчера видела эту собачку, когда шла из садика. Собака шла поодаль, часто поглядывая на Машу («Что бы это значило?», – еще тогда подумала Маша).

Маша улыбнулась, наклонилась, слегка погладила собачку и даже чуть почесала ее за ушком. А потом, обойдя собачку, побежала к подземному переходу.

Но когда, немного пробежав, Маша обернулась, то увидела, что собачка так и стоит на крыльце, только голову повернула – смотрит на убегающую Машу.

В садике была тысяча всяких дел, даже занятия по дошкольной подготовке.

И Маша, в общем-то, забыла о встрече с собачкой. Но когда под вечер возвращалась из садика домой, то вспомнила про нее. И даже вообразила, что та, наверное, по-прежнему стоит на крыльце дома.

Но собачки на крыльце не было.

Маша даже остановилась и посмотрела вокруг, нет ли ее где-нибудь во дворе. Нет, собачки нигде не было видно. Маша даже расстроилась и пришла домой грустная.

– Что с тобой? – спросила мама.

– Да так, ничего, – ответила Маша и пошла в гостиную к телевизору: скоро по телику, как всегда в это время, должны были показывать интересный мультфильм.

НОВАЯ ВСТРЕЧА

На следующее утро, когда Маша собиралась в садик, она очень хотела, чтобы ее встретила собачка. Так и случилось.

Только Маша открыла дверь парадной, так сразу же увидела, что на крыльце, как и вчера, сидит собачка. И снова смотрит прямо на нее, смотрит, как показалось Маше, с ожиданием или даже с надеждой.

Маша широко и радостно улыбнулась. И собачка в ответ замахала хвостом, подошла к Маше и потерлась бочком о ее ногу. Тогда Маша наклонилась, погладила собачку и сказала чуть неуверенно: «Ну, пошли что ли со мной».

И собачка, кажется, поняла.

Когда Маша, обойдя собачку, пошла быстрым шагом к переходу, то заметила, что за ней, отступив на шаг-полтора, идет и собачка. И не просто идет, не плетется опустив хвост. А идет так, – она это видела по телику, – как ходят служебные собаки, собранные, деловые, слегка напряженные.

Остановилась Маша на переходе, дожидаясь зеленого света на светофоре, – и собачка стала рядом с Машей, еще более напряженная, вглядываясь, как и Маша, в светофор. И когда зажегся зеленый цвет, собачка вышла вперед и чуть влево, по-настоящему оскалив клыки, и вглядываясь в остановившиеся автомашины и мотоциклы. И так шла впереди всю дорогу по переходу, как бы прикрывая все время собой Машу.

Но только они перешли на другую сторону переулка, как собачка успокоилась, будто стряхнула с себя напряжение, и вернулась на свое прежнее место, на шаг-полтора позади, сохраняя прежнюю дистанцию. А у калитки собачка, негромко тьякнув (явно для Маши: «Не беспокойся, я буду недалеко»), развернулась и быстро убежала, скрылась в зарослях во дворе дома рядом с садиком.

Но когда под вечер, отправляясь домой, Маша только вышла из калитки, как услышала сбоку негромкий лай. Маша повернула голову и увидела собачку.

Свою собачку. Та сидела, вытянув слегка подрагивавший по траве хвост. Маша подошла к собачке, погладила и спросила:

– Как же тебя зовут, собачка?

И Маша стала перечислять клички собак, вспоминая их по мультикам и книжкам:

– Жульбарс? Серая? Антей? Верный? Джек? Рони? Урал? Жучка?

Собачка никак не откликнулась на эти имена. Маша с досадой даже сказала:

– Ну, что ты, дикая, что ли?

И тут при слове «дикая» собачка застучала хвостом по траве. Маша задумалась. И раздумывая сказала: «Тогда, может быть, ты Дик?». И в то же мгновение собачка весело залаяла и даже вскочив, попыталась вскинуть передние лапы Маше на плечи.

– Ура! Ура! – закричала Маша, – значит, ты – Дик, так теперь тебя и буду звать.

И они вместе пошли домой: Маша и, отступив на шаг-полтора сзади, Дик. И вновь на «зебристом» переходе Дик вышел вперед, теперь слегка справа, по-настоящему оскалясь, как бы ограждая Машу от автомашин и мотоциклов и заняв прежнюю свою позицию на другой стороне переулка.

На крыльце дома Маша удержала Дика, который, негромко тьякнув, собрался было убежать (наверное, в небольшую кустистую рощицу около дома), и, усадив Дика на крыльцо, сказала: «Дик, посиди немного, я сейчас приду», стремительно, не дожидаясь лифта, вбежала по лестнице на свой четвертый этаж. И там, не отвечая на вопросы мамы (отделяваясь только словами: «Мама, мама, подожди я позже тебе все рас- скажу»), схватила из игрушечного набора пластмассовую тарелку, достала из холодильника кусок колбасы, из хлебницы – остатки вчерашнего батона, и стремясь, по лестнице, перепрыгивая через несколько ступенек, выбежала на крыльцо.

Дик – вот молодец! – сидел там же, где его оставила Маша, не сдвинулся с места.

Маша сказала Дик: «Теперь пойдём».

И со всеми своими припасами пошла к рощице. Дик, как обычно, на шаг-полтора сзади. Маша нашла среди кустиков укромное место и, положив на пластмассовую тарелку колбасу с хлебом, сказала: «Можно, Дик».

Дик не заставил себя ждать. Он тут же, не разжевывая (как показалось Маше) сразу проглотил всю колбасу, съел часть батона, остатки взял в зубы и посмотрел на Машу. Дик явно спрашивал: «Можно мне уйти на место?». Маша наклонилась, потрепала собачку по холке, слегка почесала за ушком и, улыбаясь, сказала: «Иди, конечно. До завтра». Дик бросил быстрый взгляд на Машу, помедлил немного, а потом быстро убежал в глубь рожицы.

Дома Маша рассказала маме все о собачке – и о вчерашней встрече, и о сегодняшнем дне. Мама сказала: «Я знаю. Сегодня утром я видела тебя с собачкой по дороге в садик из окна». И добавила: «Нужно только проверить собачку, вдруг она заразная?». Маша резко повернулась к маме, на ее глаза навернулись слезы, и она сказала: «Дик не заразный, он – мой друг».

Мама притянула к себе дочку, обняла ее и сказала: «Извини, я хоть и медик, но все равно не то слово произнесла. Мне надо было сказать – не больная ли собачка. Не беспокойся, все будет в порядке».

Маша счастливо улыбнулась и, подпрыгивая, побежала в свою комнату: надо было выполнить задание – нарисовать в тетрадке в тонкую линеечку аккуратные кружочки и разные палочки, крючочки.

МОЯ СОБАЧКА

На следующее утро Дик снова ждал Машу на крыльце.

Только что это такое? Дик какой-то возбужденный, взлохмаченный, а главное на спине его ранка, – вырван клоч шерсти и запекшаяся кровь. Дик все пытался, немисливо изгибаясь, достать ранку языком, лизнуть ее. Не из-за вчерашних ли съестных припасов Дик подрался с другой бездомной собакой?

Маша прямо на крыльце сбросила сумочку, которую брала с собой в садик (там был ее кошелек с карманными денежками, которые давала мама, и тетрадка с выполненным заданием), и бегом обратно домой.

– Мама, мама! – закричала Маша, ворвавшись в квартиру, – Дик ранен. Надо ему срочно помочь!

Мама, не мешкая и ничего не спрашивая, тут же схватила из аптечки зеленку, вату, лейкопластырь и, сразу же вслед за дочкой – бегом на крыльцо.

Дик, увидев Машу с мамой, слегка махнул хвостом и сам повернулся к маме раненым боком. Мама тут же стала обрабатывать ранку ватой с зеленкой (Дик все терпел, не издал ни звука); и сказала дочке:

– А ты иди в садик, а то опоздаешь, мы тут сами управимся.

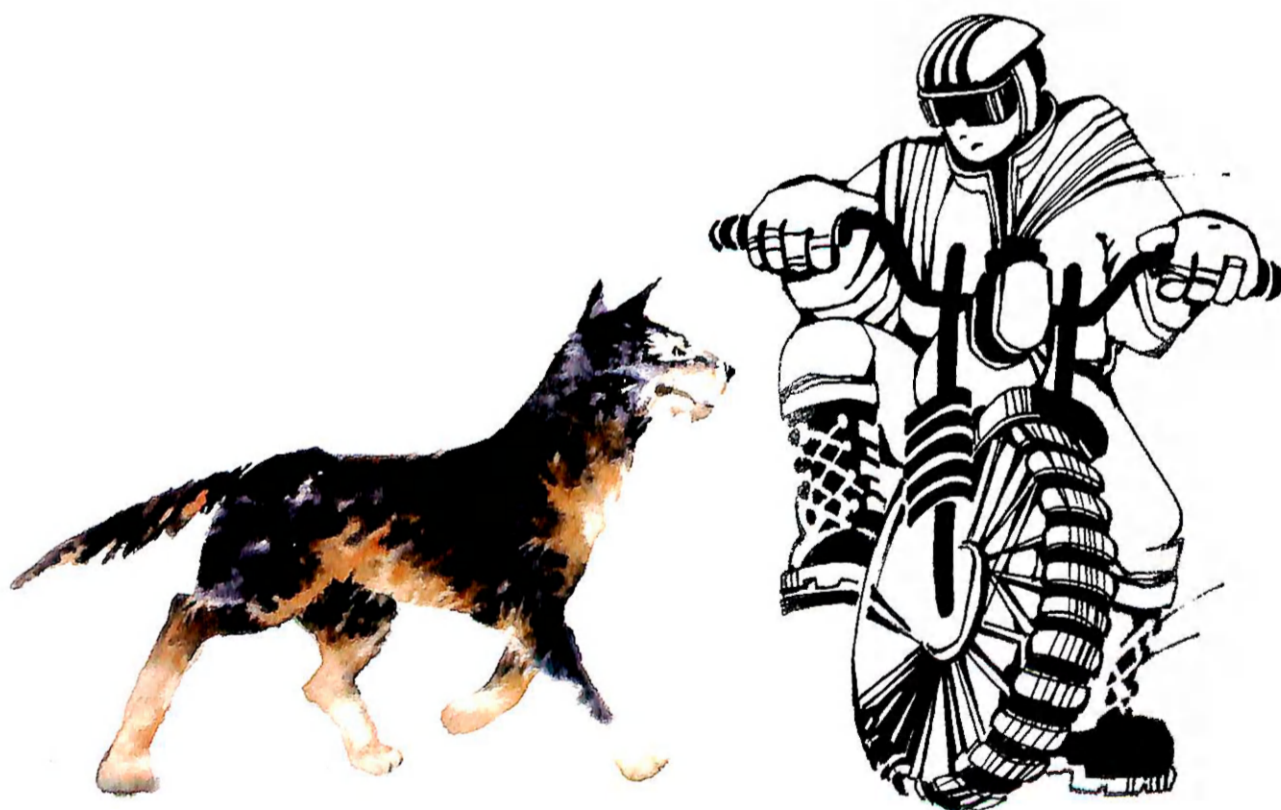
Маша поколебалась мгновенье-другое, но потом взяла сумочку, и бегом – через двор к подземному переходу. Но только Маша отбежала на небольшое расстояние и даже успела дойти до арки, ведущей со двора на улицу, как Дик с недоклеенным пластырем резко вырвался из маминых рук и ринулся за Машей. В какое-то мгновение он догнал ее и пристроился на положенной дистанции. Маша остановилась, попыталась прижать недоклеенный, болтающийся пластырь, помахала маме рукой, как бы извиняясь за все случившееся («Все в порядке!»), и побежала дальше, сопровождаемая Диком.

После возвращения Маши из садика они вместе с мамой спустились к Дику. Маша взяла с собой небольшую миску вчерашнего куриного супа и кусок хлеба, а мама – всякие медицинские штуки. Они все вместе дошли до места, где находилась пластмассовая тарелка. Маша сначала накормила Дика, а потом мама тщательно обработала его ранку, наклеила новый пластырь. Дик, как и прежде, терпел, даже не пикнул. А потом, как и вчера, убежал.

...Вечером был непростой разговор с папой.

Начала разговор, как ни странно, мама. Она сказала, что нужно приютить собачку в их квартире.

Папа был против. Он было начал говорить о том, что с гигиенической стороны тут существуют проблемы. И что «вообще неизвестно, откуда...».

Мама догадалась, что дальше скажет папа, и, помня о реакции на подобные слова дочки, прервала его. Она стала быстро и громко говорить о том, что собачка, по ее наблюдениям, очень ухоженная и воспитанная. Что она явно натренирована на охрану человека. Что Дик («Так зовут собачку», – пояснила она) наверняка из какого-то хорошего питомника и нужно вообще-то поместить объявление («Возможно, хозяин ищет ее»). И что она убедилась, – Дик очень надежная охрана для дочки, «и для нас, для меня во всяком случае – гарантия спокойствия» – добавила она.

– Какая там охрана? – с некоторым пренебрежением сказал папа.

Но что-то в его словах слышалось такое, что Маша с мамой поняли, что не все потеряно. Папа явно колебался, думал, что-то про себя решал.

А потом, немного помолчав, сказал примирительно:

– Давайте оставим разговор на завтра, все обмозгуем, завтра все решим... Тем более что в нашем районе действительно появилась группа хулиганов-подростков, которые безобразничают, нападают на малышей, отбирают у них деньги. Так что проблема-то существует...

Но завтра все решилось само собой.

СОБАЧКА НАША!

На следующее утро все пошло по заведенному порядку: Дик ожидал Машу на крыльце, сопровождал ее до садика и обратно. Он даже при возвращении домой, на перекрестке, грозно и довольно громко зарычал на мотоциклиста, который заехал на самый переход. Маша удивилась, когда увидела, что Дик в это время вдруг как бы увеличился в росте, шерсть у него вздыбилась, и он так оскалил зубы и так грозно зарычал, что мотоциклист тут же обратным ходом вернулся за черту перехода.

Ну а дальше произошло вообще что-то невообразимое.

Когда Маша с улицы вошла через арку во двор, она заметила, что на ступеньках соседнего подъезда сидят кучкой ребята, которые год-два тому назад еще ходили в садик, а теперь, наверное, учатся в школе где-нибудь во втором-третьем классе. Ребята, увидев Машу, дружно перебежали к ее подъезду и скрылись за дверью. Наверное они побежали к Вовке – парню их возраста, который жил на втором этаже.

Дик никак не хотел уходить с крыльца (хотя Маша еще утром принесла кусочки мяса из вчерашнего супа и хлеб, положив все это в кустиках на пластмассовую тарелочку и прикрыв ее целлофановой салфеткой).

– Иди, иди, Дик, – говорила Маша, – там у тебя прекрасный обед. А я уже дома. Наконец Дик поднялся, бочком спустился со ступенек и потом не торопясь, нехотя поплелся в сторону кустиков.

Но только Маша закрыла за собой входную дверь парадной, и вон там, справа, за углом уже виднелся передний косяк двери лифта, как ее оглушил удар по голове. И такой сильный и резкий, что Маша тут же упала.

В тот же миг над ней склонилось лицо незнакомого парня, который не сказал, а прохрипел: «Где у тебя денежки? В сумке? А ну давай их сюда!». Потом мальчишка, больно схватил Машу за запястья рук, прижал их к цементному полу и скомандовал: «Петро, быстро обшарь сумку, и сразу смываться надо».

– Есть! – закричал Петро, который, обшарив сумку, отбросил ее в сторону и потряс над головой Машиным кошелечком, в котором действительно были деньги (она их вместе с маминной запиской забыла передать Нине Петровне – воспитательнице).

И вдруг все резко изменилось. Громко хлопнула входная дверь и тут же раздалось громкое рычание. На спину державшего Машу парня накинулось громко и грозно рычащее существо (собака?). Собака, конечно собака! отбросила навалившегося парня от Маши, передними лапами прижала его к полу, оскалилась и оглушительно залаяла на весь подъезд.

На всех этажах захлопали двери, слышались шаги сбегающих по лестнице людей, и среди них – вот удача, так удача! – папа, как раз вернувшийся с работы.

Петро бросил кошелек на пол, и все ребята, кроме того, которого держал Дик (ясно, что это был Дик! Кто же еще?), бросились через открытую дверь врассыпную.

А папа (откуда он все знает?) дал команду: «Дик – фу!». На ходу – вот здорово! – погладил Дика и похвалил: «Молодец!». Затем, держа за шиворот мальчишку (пока не подоспел вызванный кем-то участковый милиционер), помог подняться на ноги дочке и сказал:

– Ну что? Все в порядке? Спасибо Дикю?

– Да, спасибо. Я в нем и не сомневалась, – ответила Маша.

...Весь вечер Маша и ее родители устраивали в прихожей место для Дика.

Мама нашла, а Маша постелила в углу прихожей, на-

против вешалки и зеркала, старое Машино одеяло. Поверх одеяла – темную подстилку. Мама приготовила две миски для чистой воды и еды Дику,

Маша хотела было поставить миски рядом с одеялом, но неожиданно воспротивился папа. Он сказал:

– Пусть миски будут в кухне-столовой. И Дик завтракает-ужинает вместе с нами. Это же – *наша* собака (Маша при этих словах даже подпрыгнула от радости).

Папа в этот же вечер съездил в магазин и принес мягкий ошейник и поводки для собачки («Для прогулок в людных местах», – пояснил он).

С тех пор Дик стал жить вместе с Машей как член семьи...

Пошел третий год, как Дик жил вместе с Машей, мамой и папой. Маша уже пошла в школу, которая, кстати, находилась рядом с ее бывшим детским садиком.

Каждое утро, еще до завтрака, папа целый час гулял с Диком на дворовых площадках, еще пустынных в это раннее время. Они бегали друг за другом, дурачились, папа учил Дика командам. Потом Дик провожал Машу в школу. При этом папа приучил Дика сразу же, проводив Машу, возвращаться домой. Дик сам (он уже раз доказал это) открывал входную дверь. А главное – крепко подружился с мамой (которая, как казалось Маше, слишком баловала ее питомца). Дик иногда сопровождал маму, когда она ходила на рынок.

Маша гуляла с Диком после школы. Они гуляли час, иногда даже дольше. Иной раз уходили далеко от дома в соседний парк с озерком, где плавали утки (некоторые с вереницей крошечных утят).

Дик оказался очень умной и дрессированной собакой. Он понапрасну нигде и ни на кого не лаял – ни на собак и кошек, встречавшихся на пути, ни на уток на озерке, ни на людей. Даже на тех, кого он встречал в подъезде, или тех, которые звонили или стучали в дверь, входили в прихожую. Он, видимо, чувствовал только в незнакомых людях, приближающихся к Маше или входящих в квартиру, возможную опасность. И именно тогда весь напрягался – точно так же, как при переходе улицы. «Входил, – как думала про себя Маша, – в боевую готовность». Но стоило только про человека, подошедшего к Маше или вошедшего в прихожую, сказать – «Свой!», – как напряжение у Дика исчезало, он позволял даже погладить себя и запоминал такого человека в качестве «своего» навсегда.

НЕЗНАКОМЕЦ

Однажды, когда Маша вернулась из школы (она уже училась в третьем классе), в общей комнате она увидела грузного дяденьку в полувоенной форме. Он сидел, чуть развалившись в кресле, а рядом, на диване – мама, слегка растерянная.

Дик, радостно вбежавший вслед за Машей в комнату, увидев незнакомца, вдруг разом остановился, весь напрягся, замер.

А-а-а, – сказал незнакомец, – Вот и наш *дикий*. А ты, Маша, хозяйка собаки? Так мне сказала твоя мама, Анна Сергеевна. А меня зовут Иван Иванович – я из военного собачьего питомника...

В это время Дик резко развернулся и ушел «к себе» в прихожую, лег на свое место и замер с открытыми глазами.

– Твоя мама, Анна Сергеевна, – продолжал Иван Иванович, обращаясь к Маше, уже рассказала мне про то, как ты познакомилась с нашей собакой. Или она нашла тебя, тут я не все понял. Но в общем ясно, – Дикий, как мы его звали, уже около трех лет живет у вас, в вашей квартире. Мы это случайно узнали совсем недавно.

– Теперь я расскажу вам, – продолжал Иван Иванович, – о том, откуда взялась и где была эта собака до того, как попала к вам.

– Извините, – вдруг сказала Маша. Она выскочила в соседнюю комнату, в папин кабинет. Быстро набрала телефонный номер и сказала только:

– Папа, приезжай немедленно. Пожалуйста. Забирают Дика.

После того как Маша вернулась в общую комнату, Иван Иванович продолжал:

– Эту собаку, Дикого, вырастил одинокий военный инвалид, теряющий зрение, мы его звали Семеныч. Он где-то у помойки подобрал брошенного щенка, вылечил и поставил его на ноги, назвав найденыша – как и вы зовете – Диком. Собака очень привязалась к Семенычу. Тем более, что Семеныч все больше терял зрение, становился почти совсем слепым, и собака очень помогала ему. Тогда-то, по совету своих друзей, Семеныч и привел свою собаку к нам в питомник для того, чтобы мы ее выучили. Несколько недель мы занимались с собакой, она оказалась хорошим учеником. Вскоре Дик научился сопровождать и охранять своего хозяина: без поводка он шел несколько позади, на переходах – рядом, а с поводком – впереди. Собака стала отличным проводником, поводырем и охранником своего хозяина.

Но однажды случилась большая беда. Как-то днем Семеныч в сопровождении своей собаки шел из сберкассы, где он получил немалую сумму денег, нужную ему то ли для хозяйственных нужд, то ли для того чтобы послать перевод сыну, я точно

не знаю. В пустынном сквере какие-то мерзавцы, бандиты, которые наверняка следили за ним еще в сберкассе, напали на Семеныча. Они сначала чем-то тяжелым оглушили собаку, а потом, ударив пенсионера, повалили его на землю. Да ударили так, что Семеныч потерял сознание, после чего отобрали у него все деньги. Собака, даже оглушенная, полуживая, пыталась броситься на защиту хозяина.

Но поймать бандитов не удалось. Были, правда, какие-то подозреваемые, но, как говорили в прокуратуре: «Доказательств оказалось недостаточно». Семеныч попал в госпиталь, где он, к сожалению, несмотря на все старания врачей через несколько недель умер. А собаку для лечения поместили в наш питомник. Причем во время лечения выяснилось, что собака очень умная, легко обучаемая, розыскная, способная – как говорили наши специалисты – к безошибочному поиску наркотиков и взрывчатых веществ. Ее даже зачислили в особую группу, предназначенную для работы в спецслужбах.

– Но не тут-то было, – продолжал Иван Иванович, – собака никого не хотела знать, кроме своего бывшего хозяина. Она почти ничего не ела, целый день стояла в клетке, с надеждой всматриваясь во всех проходивших мимо. Ночами тревожно выла. Резко огрызалась на всех, кто к ней приближался. Тогда-то и стали звать ее в питомнике «Диким». Несколько раз Дикий вырывался из клетки, перепрыгивал через ограду. Его ловили – он снова убегал, все искал своего хозяина, Семеныча. Наконец, он убежал совсем, хотя до сих пор числится за нашим питомником...

В этот момент Иван Иванович пристально посмотрел на Машу, в ее глаза, и неожиданно снова спросил: «Ты хозяйка собаки? Она сама тебя нашла?». И, не дожидаясь ответа, добавил: «У тебя, Маша, глаза такие же, как у Семеныча, наверное, по ним она и признала тебя своей хозяйкой... Но ничего не поделаешь, мне придется забрать Дикого. Это служебная собака, она нужна для государственных нужд».

Сразу же вслед за этими словами из прихожей раздалось негромкое собачье ворчанье. Наверное – совпадение.

Все еще некоторое время помолчали.

Но тут хлопнула входная дверь и в комнате появился папа. Он сразу же сообразил, о чем идет разговор, поздоровался с Иваном Ивановичем и сказал:

– Вы пришли за собакой. Но давайте отложим решение вопроса о судьбе нашего Дика. Я возьму у Вас, Иван Иванович, адрес и телефоны вашего руководства, и постараюсь не позднее завтрашнего дня решить все вопросы с собакой. Хорошо?

На том и решили («Молодец, папка, выручил», – ликовала Маша).

Когда, распрощавшись (и тоже записав папин номер телефона) Иван Иванович уходил, Дик даже не шелохнулся, уткнувшись носом в подстилку, он ничего не видел и не слышал, ничего не знал и не хотел знать.

ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ

Папе действительно удалось договориться с руководством питомника.

Правда пришлось, как говорится, пойти на компромисс, то есть учесть и свои интересы (скорее даже Машины), но также и интересы питомника. Тем более, что по всем документам Дик (Дикий) числился за питомником, считался «временно отсутствующим» и на него были большие планы, имеющие, как говорили папе, серьезное государственное значение, в том числе – специальное военное.

Поэтому договорились так. Дик продолжает жить в Машинной семье, и Маша остается его хозяйкой. Но два раза в неделю (один раз во вторник или в среду, второй – в воскресенье до обеда) Маша с Диком будут ездить в питомник на специальные тренировки, «собачью учебу». Потом, когда закончатся тренировки, будет новая договоренность («Опять с их любимым компромиссом», – подумала Маша).

В дни тренировок к Машинному дому подъезжала зеленая военная машина. И Маша с Диком уезжали в питомник, точнее – на тренировочное поле, которое нахо-

дилось рядом с питомником. И вход туда тоже был отдельный, рядом с центральными воротами.

На тренировочном поле стоял небольшой двухэтажный домик (который все называли база). За ним несколько тренировочных площадок с разными спортивными устройствами, снарядами: особыми рвами, стойками, трубами, бревнами на подставках, блоками, манекенами и всем другим, необходимым для обучения собак.

У дверей базы Машу с Диком встретил пожилой, но статный, подтянутый офицер, который поздоровался с Машей и, козырнув, представился: «Капитан Семенюк Владимир Михайлович, – тренер».

Маша, притронувшись к руке тренера, сказала Дику: «Свой». После этого Владимир Михайлович улыбнулся и дружески подмигнул Дику. Дик дружелюбно посмотрел на тренера и помахал хвостом – понял.

Владимир Михайлович сказал Маше:

– Я буду заниматься с Диком на наших снарядах. Тебе присутствовать не обязательно. А лучше вообще не находиться на площадке. Но ты обязательно должна быть вблизи, чтобы Дик тебя видел и чувствовал. Договорились?

После этих слов тренер ласково потрепал по спине Дика, сказал: «Пошли», и они не спеша удалились на ближайшую тренировочную площадку. Дик при этом несколько раз оглянулся: «Все в порядке, хозяйка рядом».

Так теперь и строилась вся жизнь Дика, да и Маши тоже.

Примерно по 4–5 часов во второй половине буднего дня (обычно в среду) и первую половину дня в воскресенье Дик становился военной (или милицейской) собакой. Дик старательно под руководством тренера Владимира Михайловича осваивал разные служебные премудрости: по сигналу руки тренера или его короткому свисту замирал лежа на долгое время, делал короткие перебежки от дерева к дереву, стараясь быть незамеченным, внезапно нападал на противника (во время тренировки им был манекен), долго полз по-пластунски, иной раз что-то упорно искал, вынюхивал, а когда находил искомое, отрывисто призывно лаял. В это время Дик был собранным, напряженным, «весь в работе», как и его тренер.

Но чувствовалось, что Дик краешком глаза постоянно держит в поле зрения свою хозяйку – Машу, которая обычно сидела на скамейке у базы (а в непогоду – у окошка внутри помещения). Она читала книжки, учила уроки и делала вид, что не обращает внимания на тренировки, хотя все время чувствовала свою собачку и тоже порой наблюдала за Диком.

Тренер иногда приглашал Машу на тренировочную площадку. Тогда она вместе с Диком преодолевала препятствия, прыгала через рвы, затаивалась в каком-нибудь укромном месте. Или искали (Дик – по запаху, Маша – по интуиции) какие-нибудь предметы. Поразительно, но Маша очень быстро запомнила запах некоторых наркотических и взрывчатых веществ. «Тебе в юридический надо идти. Или в наши училища, – не раз говорил Маше Владимир Михайлович. – Прекрасным специалистом будешь».

Во время, свободное от тренировок, Дик вел такую же жизнь, как и раньше, обычную жизнь домашней собаки. Утром на прогулке дурачился с папой. В квартире только во время завтрака-ужина покидал свое привычное место в прихожей. Так же вел себя с другими людьми, дружелюбно со знакомыми, настороженно, порой с тревогой, но всегда спокойно, – с незнакомыми.

Правда теперь, начиная с нового учебного года, Дик не провожал Машу до школы и не встречал ее после окончания уроков. Маша заметно повзрослела, ходила в школу и возвращалась домой со своей подружкой, живущей в том же доме.

Да и Дика теперь нужно было водить по улице на поводке. В городе почему-то развелось много брошенных, беспризорных собак. С ними возникали всякие сложности. Но в основном они далеко обходили Машу с Диком, когда встречались на прогулке.

И еще Маша заметила, что Дик стал совсем строго вести себя на переходах, однажды встал как вкопанный на пути мчавшегося на красный свет лихача из новоявленного богатого люда – тот резко затормозил перед самым носом Дика. Маша чувствовала, что Дик весь напрягся (не подавая вида), когда кто-нибудь из посторонних приближался к Маше, несколько раз жестко отсекал от нее каких-то ребят.

Но все это так, мелочи. В общем же – все нормально; слава Богу, каким ты был, Дик, в нашей «гражданской жизни» таким, и остался. О чем, кстати, несколько раз говорили и папа с мамой.

ПРОИСШЕСТВИЕ

Но в одну из суббот на вечерней прогулке произошел неожиданный и странный случай.

В тот день Маша ушла с Диком довольно далеко в глубь парка. Дик, отпущенный с поводка, по старой привычке шел за Машей на шаг-полтора сзади, лишь время от времени в безлюдных местах делая короткие быстрые вылазки в сторону

или стремительные круги вокруг Маши, каждый раз, впрочем, неизменно возвращаясь на свою привычную позицию.

В парке было пустынно. Лишь изредка встречались прохожие. Но в конце парка (совсем близко уже виднелись кварталы многоэтажек) Маша с Диком вышли на широкую ухоженную дорожку со скамейками и фонарными столбами, по которой и в одну, и в другую сторону двигалось много людей. Маша сообразила, что тут недалеко находится станция метро (кажется, «Мраморная»), а с другой стороны – строящиеся спальные районы.

И вот тут, сразу после того, как Маша перешла оживленную дорожку, Дик из-за ее спины неожиданно выскочил вперед, негромко гавкнул и встал прямо перед Машей, тревожно глядя ей в глаза. Потом он (делая все так, чтобы Маша видела) круто развернулся и побежал обратно к дорожке. Маша последовала за ним.

Не доходя до дорожки нескольких метров, Дик повернул по ее ходу направо – туда, где, по-видимому, были спальные районы. Пробежав метров сто, Дик припал к корням толстого дерева, а затем, почти прижимаясь к земле, стал двигаться дальше от дерева к дереву короткими перебежками, ни на миг не спуская глаз с дорожки. Маша, хотя и слегка запыхалась, не отставала и все время сохраняла дистанцию.

Дик явно за кем-то следил. За кем же?

Ага! Вот кто это!

По дорожке, как будто не спеша, но все же довольно быстро шел мужчина в темных очках и черной бархатной кепке. В руке он нес объемную сумку – судя по всему тяжелую, потому что мужчина порой с некоторым усилием перебрасывал ее из одной руки в другую.

Мужчина открыто не озирался, но чувствовалось, что он, слегка поворачивая голову, напряженно, боковым зрением смотрит по

сторонам. Только один раз он резко остановился и, делая вид, что поправляет замок

сумки, быстрым, цепким взглядом посмотрел назад, потом также вокруг.

Было видно, что в эти долгие (почему-то) мгновения Дик замер, слился с землей, а у Маши гулко и часто застучало сердце,

но она по-прежнему продолжала идти, неотрывно всмат-

риваясь при этом в землю, в густую траву (потеряла девочка что-то. Похоже?), постепенно приближаясь к дорожке. По дорожке Маша затем и продолжила путь – на одной линии с Диком.

Но вот и конец парка. Дальше – шоссе, а за ним – шеренги строящихся многоэтажек. Дорожка выходит прямо на автобусную остановку.

Еще издали Маша увидела, что около автобусной остановки, несколько в стороне, стоит легковая автомашина – иномарка. Мужчина с сумкой тоже увидел машину и, уже не таясь, вскинул сумку на плечо и почти бегом напрямую направился к ней. Когда он подбежал к иномарке, задняя дверца в салон была уже открыта, мужчина, бросив впереди себя сумку, запрыгнул в машину. И она тут же, с места, рванула по шоссе на большой скорости.

А Маша с Диком так и остались в парке, у последнего перед шоссе большого дерева. Дик вспрыгнул на лапы, слегка вытянулся вперед, неотрывно глядя на удаляющуюся машину. «Номер он что ли хочет разглядеть?» – с некоторой иронией подумал Маша. Но номера машины (если действительно попытаться их разглядеть) уже не было видно. Только, кажется, какие-то «66» или «55».

Возвращаясь домой, Маша надела на Дика поводок. Дик, явно не любивший эту цивилизованную «собачью цепь», на этот раз легко поддался, не ворчал, как это обычно бывало.

На очередной тренировке Маша рассказала о случившемся происшествии тренеру – Владимиру Михайловичу.

Владимир Михайлович задумался, покачал головой, а потом сказал:

– Да, странный случай. Тренировку он что ли сам себе устроил?

И тут же опроверг себя:

– Нет, не похоже. Здесь что-то другое... Надо будет продумать ситуацию. Постарайся пока гулять только в людных местах. И если случайно окажешься опять в той части парка, около остановки, будь крайне осторожной. Когда ты гуляешь с Диком? В 4–5 часов? И ни в коем случае не гуляй одна с Диком в темноте. Ни в коем случае, поняла? Конечно Дик тебя в обиду не даст. Тут все надежно. Лишь бы он сам не сорвался на чем-то...

Тревога, только замаячившая вслед за происшествием в парке, усилилась, и после разговора с тренером стала для Маши червоточинкой беспокойства.

КРОВАВАЯ СХВАТКА

Через несколько дней на послеобеденной прогулке Дик, еще на поводке, с напором – чего он раньше никогда не делал – потянул Машу в парк, а в парке – в ту сторону, где была дорожка, выходящая на автобусную остановку.

Маша остановилась. Посадила Дика перед собой и назидательно сказала:

– Дик, сегодня ты меня будешь строго слушаться. Я тебя сейчас спущу с поводка, но ты будешь идти только рядом со мной, у ноги. И будешь слушаться моих команд. Понял?

Дик, конечно, понял. Он понимал все, что говорила Маша. И когда Маша отцепила поводок, Дик сразу же стал рядом со своей хозяйкой и, ни на что не отвлекаясь, шел только рядом, «у ноги». Будто ничто вокруг его совершенно не интересовало. А может быть, действительно не интересовало?

Но это было не так. Маша нарочно шла к ухоженной парковой дорожке (к которой ее саму почему-то неотвратно тянуло) окружным путем, порой останавливалась, делая вид будто что-то привлекло ее внимание. И все время, особенно при остановках и «кружениях», Дик еле сдерживал свое нетерпение, стремление поскорее добраться до конечного пункта.

Но вот и она – та самая многолюдная дорожка со скамейками и столбами для освещения. И совсем рядом за деревьями высятся многоэтажки.

Но что это такое?

Как только Маша с Диком пересекли дорожку и прошли совсем немного – метров десять, Дик отбежал от Маши, немного порыскал вокруг и неожиданно улегся за выступающим корнем большего дерева, за которым Дика не было видно, но ему самому была видна вся дорожка.

Машу это встревожило. Что это за собачья прихоть? Что-то вроде позиции для наблюдения? Сыскная бригада мы что ли?

Но вместе с тем Маша чувствовала, что Дика сейчас трогать нельзя. Но все же она (правда, не очень твердо) сказала:

– Дик, встать!

Дик не пошевелился. Маша потрепала его рукой. Дик был даже не просто напряженный, а весь будто каменный, застывший, только сердце билось чаще чем обычно, да дыхание стало прерывистым. Маша достала поводок, звякнула его металлической частью, и тотчас же увидела, что Дик слегка повернул голову и негромко зарычал. Пусть тихо, не оскаливая зубы, но все же впервые зарычал на нее, Машу... Маша поняла это как: «Я тебя слушаюсь во всем. Но сейчас – не мешай».

Маша немного обиделась на Дика и тут увидела, что Дик совсем слился с землей и подобрал под себя лапы.

Маша быстро посмотрела на дорожку. По ней, как и в прошлый раз, будто не спеша, но все же быстро шел тот же самый мужчина в очках и черной бархатной кепке. И сегодня он нес объемную сумку, судя по всему, – опять такую же тяжелую.

И в тот момент, когда мужчина в очках поравнялся с Машей и сделал несколько шагов дальше по дорожке, вдруг словно произошел взрыв. Дик стремительно, как выпущенная из лука стрела, взлетел над землей, в два прыжка достиг дорожки, с налета прыгнув на спину мужчине, с громким рычанием опрокинул его на землю и впился зубами ему в шею. Из упавшей на землю сумки посыпались какие-то железяки.

Люди, проходившие по дорожке, отпрянули в сторону. А мужчина, прижимаемый к земле собакой, яростно взвыл и свободной рукой (другая рука была зажата его телом) стал шарить у себя в кармане. Спустя несколько мгновений его рука с блестящим ножом взметнулась вверх и опустилась за спину – туда, где была собака, вцепившаяся в его шею.

Раздался пронзительный визг собаки, перешедший в рычание. Рычание стало ослабевать, переходя в протяжный стон. Маша, подбежавшая к дорожке, остолбенела, когда увидела, что из развороченного ножом бока Дика хлещет кровь, заливая и собаку и человека, шею которого собака все равно не отпускала.

Маша, позабыв про страх, склонилась над Диком и с усилием разжала его челюсти. В тот же момент она услышала, как из-за деревьев, находившихся около остановки, раздались скрежет и шум сорвавшегося с места автомобиля, и одновременно кто-то громко прокричал:

– Маша, берегись!

И действительно, мужчина (на нем уже не было очков, – они упали и разбились) уже вставал, и у него в одной руке все еще блеснул окровавленный нож, а другой он доставал из-за пазухи пистолет.

Но поднявшийся с земли мужчина уже не мог воспользоваться ни тем, ни другим. К нему подскочили несколько крепких парней-оперативников (или спецназовцев). Щелкнули наручники. А за оперативниками стоял – вот это неожиданность, прямо фантастика! – тренер, Владимир Михайлович. Это он и крикнул Маше об осторожности («Маша, берегись!»).

Вскоре появились и санитары с носилками. Они быстро, не жалея бинтов, перевязали залитого кровью Дика, затем отнесли его к зеленой санитарной машине, заехавшей прямо на дорожку. В машину Машу не пустили. Со старшим санитаром о чем-то поговорил тренер собаки, Владимир Михайлович, и машина тотчас уехала.

Владимир Михайлович отвез Машу домой на своей легковой машине. По дороге Маша, оглушенная случившимся, спросила:

– А как Вы, Владимир Михайлович, тут оказались?

Владимир Михайлович ответил:

– Мы тут с группой оперативников уже три дня дежури́м. У меня после последнего разговора с тобой возникло предположение, что Дик напал на след одного из тех людей, которые в свое время расправились с его бывшим хозяином – Семенным («Это – Олег Семенович Рыбаков, заслуженный фронтовик Отечественной войны», – пояснил он). Мы уже вчера выследили автомашину, которая ждала подозреваемого и в тот день, и сейчас. Не успели только сегодняшние события предупредить – не предугадали (тут наша оплошность), что все так обернется.

Владимир Михайлович поднялся вместе с Машей в ее квартиру. И пока мама, уложив Машу в постель, отпаивала ее горячим чаем, он долго разговаривал с папой. Кажется, они даже что-то «приняли» на кухне, куда, усыпив дочку, пришла и мама. Сидели долго. Было тревожно.

ДИК, ГДЕ ТЫ?

Дом без Дика опустел. Папа, привыкший рано вставать и гулять с Диком по утрам, бесцельно бродил по квартире. А Маше после школы вообще не хотелось идти домой – в эту пустоту без Дика. Пригорюнилась и мама: для нее Дик тоже стал близким другом.

Ну где же ты, Дик?

Маша через день ездила на автобусе к Владимиру Михайловичу. Выяснилось, что к счастью, Дик жив (хотя врачи-ветеринары спасли его с большим трудом). Но

лечиться ему придется долго, притом в какой-то специализированной лечебнице-питомнике, куда посторонних не пускают.

Однажды на тренировочной базе Маша уже по дороге к выходу услышала от стоящих кружочком работников базы обрывок фразы: «...да усыпят его». Маша, повернув назад, взлетела на второй этаж в кабинет тренера и с ходу спросила:

- Это правда?
- Что правда?
- Что Дика усыпят?

Удивившийся было Владимир Михайлович посадил рядом Машу с собой и сказал:

– Ты, наверное, услышала разговор наших сотрудников. Брось! Это идут разговоры о другой собаке. У нее разбит позвоночник, и она парализована. А у Дика ничего подобного нет. И вообще, Дик – собака уникальная. Такая бывает одна на десять тысяч. А может быть и на сто тысяч. Она вообще как член семьи – и вашей, и нашей тоже. И даже, может быть, – вроде как свидетель по уголовному делу. Мы продолжим лечить его. И вылечим обязательно.

Домой Маша уходила успокоенная.

И вот новость. Оказывается, уголовное дело по убийству Семеныча возобновлено. И возобновлено как раз в связи с тем, что Горюнова (это фамилия задержанного человека в бархатной кепке) сначала выследила, а потом и задержала собака, которая была поводырем убитого ветерана – Семеныча.

Через несколько дней Машу вместе с папой вызвали в прокуратуру. Там следователь, средних лет женщина в прокурорской форме, в присутствии папы попросила Машу подробно рассказать обо всем случившемся, составила протокол допроса, отдельно записала и папин рассказ. «Ну вот, еще один документ» – сказала следователь.

Маша тут же спросила:

- Теперь, наверное, достаточно для того, чтобы наказать преступника? Ведь наш Дик никогда просто так на людей не нападает.

А тут он не только опознал преступника, но и явно был готов разорвать на части убийцу своего хозяина.

Следователь долгим взглядом посмотрела на Машу. А потом, попросив папу подождать дочь минут десять, сказала:

– А ну-ка, Машенька, сходим ненадолго к нашему прокурору, Прокурором оказался сравнительно молодой, со спортивной выправкой мужчина с маленькими усиками. Выслушав рассказ следователя, он вышел из-за своего большого массивного стола, взял стул и подсел к креслу, на котором сидела Маша. Он сказал:

– Ты, как хозяйка Дика, и вообще по-человечески, конечно, права. Тем более что у Горюнова, задержанного Диком, в сумке оказались части от подствольного гранатомета. Тут мы возбуждаем особое уголовное дело и начинаем вместе с рядом спецслужб, скажу тебе по секрету, особое уголовное дело.

А вот в отношении твоей боевой собаки все сложнее. Мы понимаем, как ты относишься к Дикю. Для тебя такая исключительно умная собака – бесспорный авторитет. Но сама по себе она по нашим законам не может быть свидетелем или источником доказательств. А без точных доказательств никакое дело нельзя передавать в суд, который и только который (после тщательной проверки доказательств, дискуссий, экспертиз и так далее) и может назначить уголовное наказание.

Ведь собака сама не может ничего рассказать, пояснить и тем более все осмыслить, учесть все детали. И ситуации тут бывают всякие. Разве мало случаев, когда собаки просто так нападают на людей, даже малышей? У них свои собачьи инстинкты и они порой могут ошибаться. Да будет тебе известно, что Горюнов подал заявление о нападении на него собаки и о привлечении ее владельца к ответственности...

– Конечно, – продолжал прокурор, – такие штучки у него не пройдут. У нас уже есть данные о том, что Горюнов по делу убийства Семеныча уже привлекался в качестве подозреваемого (только доказательств оказалось недостаточно). А сейчас мы сделаем все, чтобы наконец докопаться до сути, до истины и соберем все нужные доказательства. Твоей же собачке большое спасибо – она блестяще работала по «оперативной линии». Пусть она побыстрее выздоравливает.

...Когда папа с дочкой шли из прокуратуры домой, Маша все время думала про себя: «Нет-нет. Прокурор и следователь не правы. А в нашем деле совсем не правы. Наш Дик может и должен быть свидетелем, и, наверное, – главным. Нужно только понять нашу собаку, все ее повадки и нечто еще, о чем и сказать трудно. С ЭТИМИ мыслями Маша и уснула в тот вечер.

...Прошло несколько месяцев. Совсем скучных и неинтересных. Школа и уроки. Еще книжки, да иногда что-нибудь забавное по телику. Гулять без Дика не хотелось. Скучотища.

Однажды Маша пришла из школы раньше обычного. Бросила ранец на диван и уселась на стул у окна. На ветках дерева воробьи устроили кутерьму – совсем бестолковую. Тоже мне птицы. Хотя бы летали...

Вдруг Маша услышала легкое царапанье в дверь. Что бы это могло быть?

И тут же громко зазвенел дверной звонок.

И Маша поняла. Все и сразу. Она, уронив стул, вскочила на ноги и опрометью бросилась к двери, и, не раздумывая, открыла ее настежь.

За дверью, присев на задние лапы, был Дик! Хвост его быстро-быстро ударял по полу. Дик волновался.

Маша опустилась на колени рядом с Диком, обняла его за шею, и только повторяла: «Дик, милый! Наконец-то! Дик милый...».

В это время рядом кто-то громко кашлянул. Маша поняла голову и увидела молодого офицера с полевой сумкой через плечо. Офицер, обращаясь к Маше, спросил: «Это ты Маша?». И получив утвердительный ответ (Маша только кивнула головой), спросил: «Можно пройти в квартиру?».

Все трое – офицер, Маша и Дик вошли внутрь, и там офицер сказал: «Мне Иван Иванович приказал передать Дикого, то есть Дика, тебе, Маша, насовсем. Распишись на этой бумаге, вот тут». Маша крупно написала – «МАША». Офицер добавил: «Иван Иванович и тренер Владимир Михайлович сказали, что ты можешь в любое время приходить в питомник или на тренировочную площадку, помогать с Диком в тренировках».

– Спасибо, – сказала Маша, – я обязательно приду.

Потом Маша снова наклонилась к Дикю, обняла его. И тут из ее глаз – кап, кап, – все быстрее закапали слезы.

Маша еще не знала, что слезы могут быть не только от обиды, неприятностей или капризов – они бывают еще и от радости. Тем более – самой большой радости на свете.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА.....	5
НОВАЯ ВСТРЕЧА.....	6
МОЯ СОБАЧКА	9
СОБАЧКА НАША!.....	11
НЕЗНАКОМЕЦ.....	14
ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ.....	17
ПРОИСШЕСТВИЕ	20
КРОВАВАЯ СХВАТКА.....	24
ДИК, ГДЕ ТЫ?	27

Алексеев Сергей Сергеевич

ДРУГ
Рассказ о девочке и собачке

Художник Татьяна Калинина

ISBN 5-98050-012-X

Издательство Института частного права
620062, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 101
Тел. (343) 371-60-23, факс (343) 371-36-41
e-mail publish@privatelaw.ru

Подписано в печать 19.05.2005 г. Формат 60x90 1/8. Гарнитура Arial Cyr
Усл. п. л. 3,72. Тираж 2000 экз. Заказ 1293-Т

**Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии АМБ**

620144, г. Екатеринбург, ул. Фрунзе, 96.
Тел.: 379-97-38, 379-97-40, 269-55-74

